

ДИТРИХ ФРАЙДАНК (Хале)

К СУЩНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКАМ СТИЛЯ „ПЛЕТЕНИЯ СЛОВЕС“

Търновская литературная школа интересна для русиста тем, что значительнейший сдвиг в истории как русской литературы, так и литературного языка, который обычно называют „вторым южнославянским влиянием“, связывают с влиянием этой школы. Второе южнославянское влияние охватило весь диапазон литературного языка и литературы, от письма до орфографии, от выбора переводных текстов до понимания литературы. Об этом блестяще говорил Д. С. Лихачев в своем докладе на Московском съезде славистов в 1958 г.

В нашем сообщении мы коснемся не всех аспектов этого явления, а сосредоточимся на некоторых вопросах, связанных со стилем „плетения словес.“

I. Начнем с термина „плетение словес, плести слово“. Это словосочетание находит точную параллель в греческом сочетании *πλέκειν λόγον*. Подробное изучение этого оборота в системе греческого литературного языка показывает следующее: *Πλέκειν* в собственном смысле значит „плести, вязать“. *Πλέκειν* в этом значении сочетается с дополнениями, обозначающими волосы, венцы, коробки, шлемы, веревки.

В переносном значении *πλέκειν* значит „умело составить, сочинить, сложить“ и сочетается с такими дополнениями, как *λόγος, μῦθος, παλάμη, μηχανή* и т. п. Причастие *πλεγμένος* приобретает значение „сложный“ и является антонимом понятия „простой“ (*ἀπλοῦς*). В этом значении греческие риторы употребляют сочетание *πλέκειν λόγον* „составить речь с помощью определенных стилистических приемов“. Это — первый возможный источник оборота „плести слово“ в наших текстах. Но нам кажется, что термин „плетение словес“ имеет еще другой исторический корень.

В греческой христианской письменности *πλέκειν* занимает прочное место в метафорике. Целый комплекс духовной борьбы, подвижничества обозначается терминологией античного спортивного соревнования. Это развитие начинается еще в посланиях апостолов. В первом послании коринфянам говорится: „Разве не знает, что бегущие на стадионе бегут все, но только один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все участники в соревновании воздерживаются от всего, те — для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на невер-

ное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух."¹ Здесь имеется целый ряд спортивных терминов: *στάδιον*, *βορβητον*, *ἀγωνίζομαι*, *πλητέω*; здесь и встречается слово *στέφανος* „венец“.

Такая метафорика, помимо метафорики, взятой из области военной, впоследствии широко развивается именно в агиографии. Прекраснейшим примером может служить Похвальное слово Стефану Первоученику Григория Нисского из IV столетия.² Автор обстоятельно сравнивает мучение Стефана со спортивным соревнованием. Здесь представлено большое количество слов из области спорта: стадион, зрители, крики зрителей и т. п., вплоть до специальных терминов борьбы.

Соревнование кончается венчанием победителя. И этот образ фигурирует в христианской метафорике (венец, плести венец). Агиограф же плетет не чувственный венец, а мысленный. Он плетет похвальное слово вместо венца. Также употребляет словосочетание *πλέκειν στέφανον* патриарх Каллист, друг патриарх Евфимия, в его Житии Григория Синаитского. Уже в первом предложении говорится: „Желание удостоить добрых мужей похвальных слов и похвал и плести венцы над ними — полезное дело.“³

Значит, у Каллиста *πλέκειν στέφανον* ставится в один синонимический ряд с сочетаниями *ἀξιοῦν ἐγκωμίων*, *ἐπαίνοιν* „удостоить похвалы, похвальных слов“. Еще теснее сочетаются понятие похвалы и понятие плетения в доном обороте, который два раза встречается в Житии Афанасия Афонского: *τὰ τῶν ἐπαίνων πλέκειν* „плести похвальное слово“⁴.

Одним словом, словосочетание „плести слово“ значит „хвалить, составить похвалу“. Именно в этом смысле это словосочетание встречается у Епифания Премудрого в таких синонимических рядах, как „слово плетуще, и слово плодящи и словом почтити мяще“, или „како похваляю, како почту, како ублажаю, како разложу и како хвалу ти сплету“, или „влетчет мя на похваление и на плетение словес“⁵.

Следовательно, словосочетанием „плести слово“ Епифаний выражает не какую-нибудь стилистическую манеру, а коммуникативную цель: составить полвалу. Именно такой же смысл имеет словосочетание и у Григория Цамблака: сам певец (Давид) плетет слово Евфимию.⁶ Следующая цитата из псалма „Язык мой трость книжника скорописца“, кроме сравнения, не обнаруживает особенных стилистических приемов, по крайней мере, ничего из круга того, что современные исследователи понимают под плетением словес.

II. В дальнейшем мы будем говорить о том, как у авторов-агиографов эта коммуникативная цель развивается в коммуникативный план. Похвалы достоин, конечно, любой святой. Но градация похвалы зависит от степени святости героя. Иными словами: Коммуникативный план агио-

¹ Первое послание коринфянам 9, с. 24—26.

² Gregorius Nyssenus. Encomium in sanctum Stephanum protomartyrem, herausgegeben von O. Lendle. Leiden, 1968.

³ Житие Григория Синаита, изд. И. Помяловский, СПб., 1894 — Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского ун-та, вып. XXXV, 1896, с. 1.

⁴ Житие Афанасия Афонского, издал И. Помяловский, СПб., 1895 — Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского ун-та, вып. XXXV, 1896, 33 и 96.

⁵ Житие Стефана Пермского, издано В. Дружининым, 1897, с. 106, 102, 110.

⁶ Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, издали П. Русев, И. Гъльбов, А. Давидов, Г. Данчев. С., 1971, с. 118.

графа, выбор подходящих стилистических приемов, зависит от концепции о святом⁷.

Святые есть разные: один был монахом-отшельником, другой был великим игуменом, третий — крупным политическим деятелем. Наивысшую ступень занимают апостолы. Описать их добродетели простой человек не способен. Остается только воспеть его. Следовательно, сектор информации решительно сокращается в пользу сектора похвалы. Так объясняется объем похвальных пассажей в Житии Стефана Пермского, так объясняется выбор Григорием Цамблаком жанра похвального слова для Евфимия, так объясняется и тот факт, что именно эти произведения представляют собой самые яркие примеры стиля плетения словес, ибо оба героя авторами стилизируются как апостолы.⁸

Сравнить апостола со смертным человеком трудно, он его можно сравнить со старозаветными героями, т. е. с патриархами и пророками. Оттуда идут частые упоминания Мойсея, Авраама, Иеремии, Аарона и т. д. в похвальном слове Евфимию. Интересно было бы проследить, как у отдельных авторов концепция о святом влияет на выбор стилистических приемов.

III. Исследователи давно уже заметили, что в Похвальном слове Евфимию Григория Цамблака мало фактического материала. Герой описывается как будто вне окружающего мира. Не говорится ни о родителях, ни о месте рождения, ни о монастыре, где он стал монахом. Не называется по имени место его последней ссылки (говорится только о какой-то пустыне и горе). Как подчеркивает проф. Велчев, Григорий описывает разное душевное состояние тырновчан после падения Тырнова. Но самому падению посвящено только несколько слов.

Обо всем этом прекрасно уже говорил проф. Русев в введении к изданию Похвального слова: „Самият жанр на похвалното слово исклучва подробностите и историческите сведения.“⁹ Мне кажется, что при крайней скудости фактических указаний приобретает значение даже малейший намек. Надо обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, о чем умалчивается. Исследователи уже давно заметили, что Григорий Цамблак как автор о самом себе в Похвальном слове Евфимию ничего не говорит. Но так ли это? Позвольте высказать несколько соображений, скорее вопросов, чем ответов. Еще проф. Русев упоминал о том, что Евфимий описан как исихаст. Но мне кажется, что такие выражения, как „искусный воин мысленя брани“, „стояние всенощное“ и т. п., являются скорее трафаретами. Интереснее то, что говорится о его молитве. Так, например, говорится, что Евфимий молился не устами, а сердцем, и это даже при публичной литургической молитве. Евфимий молился так, что „глас убо людие не слышаху“¹⁰. Если различать исихазм и паламизм, то это место показывает скорее в сторону иси-

⁷ A. Schmaus. Die literarhistorische Problematik von Domentijans Sava-Vita. — In: Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawistenkongress in Sofia 1963. Göttingen, 1963, p. 121—142.

⁸ Такие югославские исследователи как Мулич и Мошин указывают на равный пример стиля „плетения словес“ в Доментиановском Житии Саввы. И Савва стилизируется как апостол.

⁹ Похвално слово... , с. 16

¹⁰ Там же, с. 192.

хазма типа Григория Синаитского. Эта мысль находит себе подтверждение в других данных Похвального слова.

Евфимий характеризуется как „преемник житию и молитве“ Феодосия Тырновского,¹¹ ученика Григория Синаитского. Григорий Синаитский и Феодосий Тырновский едва ли не единственные современники, которые называются по имени в Похвальном слове, причем Григорию Синаитскому посвящено гораздо больше места, чем Феодосию, который играет довольно скромную роль посредника.

Называются по имени великий основоположник афонского исихазма, который умер в 1310 г., но ни слова о другом великом представителе исихазма, Григории Паламе, который стал святым в 1368 г., ни слова о споре об исихазме, хотя мимоходом говорится о ереси Варлаама и Акиндина.¹² Случайно ли это?

Небезынтересно, что из представителей исихазма называются именно те, для которых патриарх Каллист написал жития (Григорий Синаитский и Феодосий Тырновский), но о Григории, Паламе, герое жития из пера патриарха Филофея, умалчивается. Нет ни слова о вселенском патриархе, который поставил Евфимия патриархом. Если это произошло около 1375 г., как думают исследователи,¹³ этим патриархом был тот же Филофей. Сказано только, что Евфимий стал патриархом „от епископ нудим“¹⁴, т. е. выбором епископов, — точно так, как Григорий Цамблак в 1415 г. в Новогродке стал литовским митрополитом. Между Каллистом и Филофеем существовали не только личная вражда, но и существенные расхождения в представлениях о византийской внешней церковной политике. Каллист поддерживал болгар, Филофей сербов. Но интереснее отношение к вопросу о самостоятельности литовской митрополии. Филофей, кажется, стремился соединить литовскую митрополию с московской, в то время как Каллист скорее придерживался литовской линии.¹⁵

Все это нуждается еще в уточнении, но мне кажется, что у Григория Цамблака был не только один повод возобновить интерес к патриарху Евфимию, один из предшественников которого в 1352 г. поставил митрополитом Феодорита, кандидата литовского князя.

IV. Позвольте сказать еще несколько слов о дальнейших задачах изучения текстов Григория Цамблака. Литературную манеру этого писателя стоит сравнить не только с болгарскими и русскими текстами, но и с греческими. На это уже не раз обращали внимание такие болгарские исследователи, как Ангел Давидов и Пеньо Русев.

Возникает вопрос, в какой мере Григорий Цамблак и другие писатели нашли модели плетения словес у греческих авторов. Возьмем, например, прием ритмизирования текста. Высказывания исследователей об этом довольно общие. Обыкновенно указывают на ряды однородных членов предложения, на повторение тех же типов предложений и т. д. Таким способом характеризуются синтаксические предпосылки ритмики текста, но о самой ритмике мало сказано.

¹¹ Похвално слово... с 140.

¹² Там же, с 184.

¹³ Там же, с. 177.

¹⁴ Там же, с. 176.

¹⁵ F. Tinnefeld. Byzantinisch-russische Kirchenpolitik im 14. Jh. — In: Byzantinische Zeitschrift 67 (1974), p. 359—384.

Известно, что греческие риторы широко развивали систему ритмических концовок предложения. Такие ритмические концовки представляли собой своеобразный поэтический пограничный сигнал конца фразы. Как раз писатели палеологовского времени, т. е. современники Евфимия, широко пользовались этим приемом украшения речи. Славянские переводчики XIV в. строго придерживались греческого порядка слов. На это еще раз указала проф. Иванова-Мирчева. Если это так, то при этом обязательно теряется ритмическая структура греческого предложения. А оригинальные произведения? Трудно представить себе, что славянские писатели времени Евфимия, Киприана и Григория Цамблака, в совершенстве, неверно, владевшие греческим литературным языком, не знали этого приема и не пробовали применить его в своих произведениях. Внимательный читатель Похвального слова Евфимию чувствует, что некоторые особенности в порядке слов найдут, может быть, себе объяснение в ритмике фраз, в необходимости переставить слова, чтобы получить определенный ритм. Но судить об этом нельзя, пока нет в распоряжении изданий, в которых поставлено ударение. Позвольте закончить свои заметки нескромной просьбой учесть в дальнейших изданиях этого периода систему ударений рукописей.